Савельев.
Типы Донских
казаков. . . .

9 152/394

Я 152
3,44

Е. П. Савельевъ.

Типы
донскихъ казаковъ
— и —
особенности ихъ говора.

Цѣна 10 коп.

Новочеркасскъ.
Областная в. Д. типографія.
1908.

2020186737

Книга имеет:

Печатных листов	Выпуск	В переплетн. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №	Наклад и исписка
1							147 28

121

Я 152/394 ал
13177-37
Библиотека имени В. Я. Яковлева

Типы Донскихъ казаковъ и особенности ихъ говора.

I.

Типы.

Въ „Русской Исторіи“ Устрялова есть мѣсто, гдѣ сказано, что донцы составляютъ чудную смѣсь разноплеменныхъ народовъ, что языкъ ихъ состоитъ изъ разныхъ элементовъ, что въ чертахъ ихъ лица есть нѣчто азіатское и что казаки гордятся своимъ происхожденіемъ отъ черкесовъ и даже сами называютъ себя черкесами (?). У Карамзина (т. VIII) о казакахъ читаемъ, что происхожденіе ихъ не весьма благородно: они считались россійскими бѣглецами, искали дикой вольности и добычи въ опустѣлыхъ улусахъ орды Батыя, въ мѣстахъ ненаселенныхъ, но плодородныхъ, гдѣ Волга сближается съ Дономъ и гдѣ издавна былъ торговый путь изъ Азіи въ сѣверную Европу; что казаки, утвердившись въ нынѣшней своей области, взяли городъ Ахазъ (древне-хазарскій, просуществовавшій до XVI в.), назвали его Черкасскимъ (?) или казачьимъ (что одно и то же), что женъ они доставали, какъ вѣроятно, изъ земли черкесской и могли сими браками сообщить своимъ дѣтямъ нѣчто азіатское въ наружности и проч.

А. Филоновъ въ „Очеркахъ Дона“ въ пятидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія и В. Ф. Соловьевъ въ своей брошюрѣ „Особенности говора Донскихъ казаковъ“ въ 1900 году писали, что казаки, не смотря на то, что стоятъ за Русь, что полки ихъ оберегаютъ ея окраины и что всѣ имѣютъ рвеніе постоять за честь Царя, сами себя не считаютъ русскими; что если любому казаку предложить вопросъ: „Развѣ ты не русскій?“ Онъ всегда съ гордостью отвѣтитъ: „Нѣтъ, я казакъ!“.

Казакъ называетъ русскимъ только великоросса, малоросса же величаетъ просто хохломъ. „Стояли въ Россіи, ходили въ хохлатчину, вернулись на Донъ“, говорятъ казаки. Да и сами великороссы и малороссы (Слободской Украйны) на вопросъ: „откуда вы“—всегда отвѣчаютъ: „мы изъ Россіи, а пришли къ вамъ на Донъ“.

Въ своей книгѣ „Кто былъ Ермакъ и его сподвижники“, изданной мною въ 1904 г., я, на основаніи историческихъ изслѣдованій, сдѣлалъ выводъ, что донскіе казаки исконные обитатели восточныхъ бере-

говъ Азовскаго и Чернаго морей и нижняго Дона, извѣстные у историковъ и географовъ разныхъ странъ подъ различными названіями; что разселеніе части казачества началось довольно рано, съ IV и V вв. по Р. Х., на Днѣпръ и далѣе на сѣверъ, берега Балтійскаго моря и другія мѣста, гды они впослѣдствіи стали извѣстны подъ именемъ варяговъ, новгородскихъ ушкуйниковъ и друг.; что въ XIV и XV вв., по распаденіи Золотой Орды, казачество вновь стало „слетаться“ въ древнюю свою родину, страну предковъ, берега Тихаго Дона и Азовскаго моря, подъ четырьмя главными названіями (по московскимъ и турецкимъ лѣтописцамъ): а) азовскихъ казаковъ, или сары-азъ-манъ (царственныхъ азовскихъ людей); б) черкасовъ (днѣпровскихъ); в) новгородскихъ повольниковъ (съ Волги), и г) казаковъ рязанскихъ, населявшихъ своими городками все пространство къ югу отъ Оки до степей воронежскихъ.

Рязанскіе казаки въ первой половинѣ XVI ст. заняли земли по р.р. Хопру, Бузулуку и Медвѣдицѣ. Около того же временн съ Волги перешли волоками на р.р. Иловлю и Тишанку новгородцы и разселились по среднему и нижнему теченію Дона, вплоть до его устьевъ. Азовскіе казаки, вытѣсненные турками и татарами изъ Азова и съ береговъ Азовскаго моря въ Сѣверскую область, около тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ XVI ст. перешли вмѣстѣ съ небольшой частью сѣверскихъ казаковъ (севрюковъ) и бѣлогородскихъ на Донецъ и далѣе на Донъ и заняли вновь свои исконныя земли, пройдя вверхъ по Дону до „переволоки“. Днѣпровскіе черкасы, или какъ ихъ въ то время стали называть—запорожцы, перешли на Донецъ, а потомъ и на Донъ въ 1549 г. подъ предводительствомъ своего князя Дмитрія Вишневецкаго. Черкасскіе юрты располагались отъ мѣстности, гдѣ былъ г. Черкасскъ, на западъ по правому берегу Аксая, Дона и Мертваго Донца до Міуса. Самыя горы, идущія отъ нынѣшняго г. Новочеркасска на западъ, въ то время назывались Черкасскими (кн. Большого чертежа). Часть запорожцевъ въ 1590—1593 гг. возвратилась обратно на Днѣпръ, а потомъ они въ числѣ 10 тысячъ человѣкъ пристали къ самозванцу. Кромѣ того, на Донъ переселилось въ 1640 г. около 5 тыс. запорожцевъ, принявшихъ вмѣстѣ съ донскими казаками участіе въ защитѣ Азова отъ турокъ (Азовскія извѣстія. Таубертъ).

Такимъ образомъ, къ половинѣ XVI ст. на Донъ „слетѣлись“ всѣ отрасли одного древняго казачества, прошедшія въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ каждая свою историческую судьбу. Исторія намъ не говоритъ, даже не дѣлаетъ никакого намека на то, чтобы между азовцами, новгородцами, черкасами и рязанскими казаками на Дону возникали какія-либо недоразумѣнія, схватки или междоусобицы, а „всѣ“, какъ говоритъ поэтъ, „съ словомъ братскаго единства сражались съ дикою ордой, оставивъ славу для потомства, тебѣ свободу, Донъ родной“.

Изъ первыхъ атамановъ казачьихъ общинъ извѣстны: Агустій Черкасъ, Ляпунъ, Павловъ, Андрей Шадра (рябой—по-татарски), Ермакъ,

Носъ, Кабанъ, Болдырь, Михаилъ Черкашенинъ, Корелла, Татара, Каторжный, Смирной, Федоровъ, Смага Чершенскій и друг.

При Михаилѣ Черкашенинѣ казаки проникли по Каспійскому морю къ устью Яика (Урала) и разгромили въ 1570 г. столицу нагайскаго ханства Сарайчикъ. За этотъ подвигъ царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный въ томъ же году прислалъ на Донъ жалованную грамоту, первую изъ сохранившихся. И такъ, на основаніи вышеприведенныхъ изслѣдованій, мы видимъ, что населенія Дона въ половинѣ XVI стол. относится къ четыремъ главнымъ элементамъ древняго казачества, народа, рѣзко отличающагося своимъ антропологическимъ типомъ, какъ отъ великороссовъ, такъ и коренныхъ малороссовъ, т. е. такими физическими особенностями устройства туловища, ногъ, въ особенности голеней, головы и лица, которыя заставляютъ всякаго, хорошо изучившаго во всѣхъ отношеніяхъ казачество, выдѣлять природнаго казака изъ массы другихъ народностей, даже если бы его поставить въ разноплеменную толпу и одѣть въ несвойственную ему одежду.

Типъ великоросса всѣмъ извѣстенъ. Поэтому мы объ этомъ и не будемъ говорить. Типъ малоросса распадается на двѣ отрасли: а) природныхъ малороссовъ (древнихъ Полянъ), т. е. жителей сѣверныхъ малороссійскихъ губерній Волыни и Подляшья (сходныхъ во многомъ съ польскимъ крестьянствомъ),—свѣтлорусые волосы, голубые выпуклые, вѣрнѣе—на выкатѣ глаза, длинный станъ, короткія голени, какъ и у великоросса (признакъ природнаго пахаря), прямой тонкій носъ, удлиненная голова (долихоцефалы), узкій, относительно, покатый лобъ, часто веснушчатое лицо; б) малороссовъ только по языку, остатковъ прежнихъ днѣпровскихъ черкасовъ, въ южныхъ частяхъ губерній Черниговской, Курской, Воронежской, Екатеринославской, въ Новороссіи и въ Черноморьѣ: короткій, но плотный станъ, высокія голени, круглая голова, широкій, прямой, нерѣдко нависшій лобъ, короткій, часто съ горбиной, хрящеватый, иногда и толстый носъ, черные глаза, смуглое лицо и темные жесткіе волосы, съ красниной на усахъ и бородѣ. Этотъ послѣдній типъ очень часто встрѣчается и у насъ на Дону, какъ остатокъ древнихъ переселившихся сюда черкасъ, въ особенности по Донцу, въ Гундоровской и Луганской станицахъ, въ Раздорской и даже отъ устьевъ Дона до ст. Пятіизбянской. Рядомъ съ нимъ встрѣчается, чаще всего въ низовьяхъ Дона, въ особенности въ станицахъ Старочеркасской и Раздорской и выше по Дону до ст. Пятіизбянской, преимущественно въ задонскихъ хуторахъ и по р. Салу, какъ, напримѣръ, въ хуторахъ станицъ: Баклановской, Нижне и Верхне-Курмоярскихъ, Нагавской, Потемкинской, и Атаманской, типъ казаковъ азовскихъ: легкіе и подвижные, средняго роста, съ длинными ногами при короткомъ туловищѣ, съ небольшой головой, при немного выпукломъ (тюркскомъ) лбѣ и выдающемся затылкѣ, съ орлинымъ носомъ, иногда тонкимъ и прямомъ, подобранномъ маленькомъ подбородкѣ. Всѣ казаки азовскаго

типа, большею частью, брюнеты, съ черными или карими глазами, съ веселымъ, жгучимъ взоромъ, однимъ словомъ, съ азіатскимъ оттѣнкомъ въ лицахъ, до крайности разнообразномъ. Есть между ними, въ особенности среди женщинъ, прекрасные, чисто древне-греческіе профили, съ правильнымъ овалomъ лица, но есть и безобразныя армянскія или турецкія лица, при небольшой головѣ съ большимъ „коромысломъ“ носомъ.

Мнѣ, какъ хорошо знакомому съ народами Кавказа, нерѣдко приходилось встрѣчать на Дону лица съ профилями и овалами, схожими до поразительности съ осетинскими, лезгинскими (изъ Самурскаго округа), а въ особенности съ черкесскими, нѣкоторыхъ поколѣній, болѣе сохранившихъ свою народность отъ метизаціи сосѣднихъ племенъ въ горахъ и ущельяхъ Кавказа. Напримѣръ, жителей черкесскаго аула Кармъ, расположеннаго близъ Эльбруса, положительно можно смѣшать съ нашими терскими казаками, но иллюзія тотчасъ пропадаетъ, когда заговоришь съ ними по-русски: они ни слова не понимаютъ.

Нѣкоторые, въ томъ числѣ извѣстный филологъ Богомоловъ, находятъ сходство донскихъ казаковъ съ куртинцами, но мнѣ кажется, насколько я знаю этотъ народъ, сходство здѣсь является кажущееся, поверхностное, вызванное своеобразной, иррегулярной службой ихъ въ Турціи и Персіи, какъ и казаковъ въ Россіи, вслѣдствіе чего у этихъ народовъ выработались въ теченіе вѣковъ сходственные военные пріемы, удаль и проч. Впрочемъ заключеніе это требуетъ тщательной провѣрки какъ со стороны антропологической, такъ и лингвистической, такъ какъ въ языкѣ куртинцевъ есть много словъ, употребляемыхъ у насъ на Дону, хотя слова эти имѣютъ турецко-татарскіе корни, какъ-то: казанъ, таганъ, чекмень и другія, коренной же языкъ куртинцевъ близко подходитъ къ новоперсидскому.

Казаки новгородцы отъ устьевъ р.р. Иловли и Тишанки разселились вверхъ по Дону до ст. Казанской, а внизъ до Азовскаго моря. Это самый предпріимчивый, стойкій въ своихъ убѣжденіяхъ, даже до упрямства, храбрый и домовитый народъ. Казаки этого типа высоки на ногахъ, рослы, съ широкой могучей грудью, бѣлымъ лицомъ, большимъ, прямымъ хрящеватымъ носомъ, съ круглымъ и малымъ подбородкомъ, высокимъ лбомъ и круглой головой; волосы на головѣ отъ темнорусыхъ до черныхъ, на усахъ и бородѣ свѣтлѣе, волнистые. Казаки эти идутъ во гвардію и артиллерію.

Казаки верховыхъ станицъ, извѣстные на Дону подъ общимъ названіемъ „верховцевъ“, какъ долго сталкивавшіеся съ великороссами, представляютъ въ антропологическомъ отношеніи, въ массѣ своей, переходную степень отъ чисто древне-казацкаго типа къ великороссамъ, хотя среди нихъ нерѣдко можно встрѣтить лица съ чисто южнымъ профилемъ. Верховые казаки—степенный, выносливый и трудолюбивый земледѣльческій народъ; они считаются самыми исправными и надежными казаками, способными переносить всѣ лишенія, сопряженныя съ трудной

казачьей службой. По мнѣнію генералъ-лейтенанта И. И. Краснова, высказанному имъ въ своихъ запискахъ, „верховцы при поступленіи на службу кажутся сперва нѣсколько вялыми, но, прослуживъ немного, съ удивительною скоростью преобразуются въ превосходныхъ во всѣхъ отношеніяхъ воиновъ; ловкіе и проворные низовцы, поступая въ полки, выходятъ часто плохими казаками и это оттого, что не въ состояніи перенести всѣхъ трудностей, свойственныхъ казачьей службѣ.

Верховцы—люди умѣренные, скромные, немного суровые, богобоязненные, почтительные къ старшимъ, почти вовсе незнакомые съ общественными удовольствіями, однимъ словомъ, болѣе другихъ сохранившіе свой древній общинный патріархальный образъ жизни. Этими же чертами характера и образомъ жизни отличаются и казаки нѣкоторыхъ станицъ, расположенныхъ по среднему теченію Дона. Между тѣмъ какъ казаки низовыхъ станицъ, собственно простой классъ народа, большею частью, склонны къ торговлѣ, промысламъ, рыболовству, судоходству и другимъ. Характера они веселаго, легкаго, даже немного вѣтренаго.

Непочтеніе къ старшимъ, сына—отцу и матери, внука—дѣду, несогласія супруговъ, ссоры и даже драки въ семьѣ—обычныя явленія у низовыхъ казаковъ. Родительская власть въ послѣдніе годы потеряла всякую силу и авторитетъ. Это явленіе стало теперь довольно рѣзко выдѣляться и въ станицахъ 1-го Донского округа. Только въ семьяхъ старообрядцевъ еще довольно прочно держится тотъ высоконравственный древній обычай казачества, въ силу котораго совершеннолѣтній сынъ часто не смѣетъ при гостяхъ сѣсть въ присутствіи отца, а почтенные отцы семействъ выслушиваютъ и исполняютъ съ покорностью всѣ, даже прихотливыя, желанія своихъ престарѣлыхъ родителей, и часто предсмертныя слова ихъ имѣютъ для нихъ силу духовнаго завѣщанія и исполняются всѣми членами семьи безпрекословно. Благословеніе отцовъ, даже заочное, „на вѣки нерушимое“, принимается сыновьями съ благоговѣніемъ.

Изъ второстепенныхъ типовъ, встрѣчающихся среди донскихъ казковъ, можно указать на слѣдующіе: а) татарскій, т. е. тюркско-монгольскій, съ некрасивыми, смуглыми, широкими лицами, выдающимися скулами, выпуклымъ лбомъ и маленькими кривыми ногами. Характеръ вспыльчивъ. Казаки этого типа встрѣчаются въ задонскихъ хуторахъ средняго и нижняго теченія Дона и произошли отъ татарскихъ выкрестовъ, принятыхъ въ казаки, не говоря уже о томъ, что въ древнемъ Черкасскѣ была цѣлая татарская станица, остатки которой представляютъ теперь жители-магометане хутора Татарскаго, Новочеркасской станицы. Фамиліи казаковъ 1 и 2 Донскихъ округовъ: Татариновы и Татаркины, Чувильдеевы, Чувилины, Шевердяевы, Батеенковы (отъ Батыя, по-казацки—Батея) ясно свидѣтельствуютъ о ихъ происхожденіи; б) калмыцкій, не считая природныхъ калмыковъ-ламаитовъ, живущихъ станицами въ Засальскихъ степяхъ и причисленныхъ въ казаки. Типъ этотъ произошелъ отъ смѣшенія калмыцкой крови съ казацкой и даетъ симпа-

тичныя и красивыя, хотя немного и широкія, лица, въ особенности у женщинъ. Фамилія Калмыковыхъ часто встрѣчается въ южной части области, гдѣ Сальскія степи прилегаютъ къ Донскимъ; в) еврейскій. Этого типа казаки до поразительности сходны съ горскими евреями Дагестана, которые считаются остатками древнихъ израильтянъ, плѣненныхъ ассирійскимъ царемъ Салманассаромъ и потомъ совсѣмъ исчезнувшихъ съ политическаго горизонта, т. е. разсѣявшихся по обширному древнему Персидскому царству, Кавказу, Крыму, Китаю, Индіи и другимъ землямъ Азіатскаго материка. Казаки этого типа распадаются на двѣ категоріи. Первой: долговязы, съ небольшой головой, покатымъ лбомъ, выдающимся затылкомъ, съ чисто семитическимъ носомъ, съ рыжими на бородѣ и усахъ и темными на головѣ волосами, веснушчаты, по-казацки—„луданые“, по-малороссійски—„рудые“. По характеру заносчивы, кичливы, мелочны, пронырливы, сладки на языкъ съ высшими, но жестоки и безпощадны съ низшими и до крайности трусливы. Второй категоріи въ антропологическомъ отношеніи сходны съ первой, но только тѣлосложеніемъ болѣе мелки, черномазы, юрки, склонны къ торгашеству, спекуляціи и обдуванію. Военная служба имъ не по нутру, а потому они всячески стараются избѣжать ее. Этого типа казаки часто встрѣчаются въ низовьяхъ Дона, въ Старочеркасской и Аксайской станицахъ и гор. Новочеркасскѣ. Желающій убѣдиться въ этомъ можетъ обойти торговые ряды, Азовскій и Сѣнной базары, въ особенности старыя лавки г. Новочеркасска, гдѣ еще остались нѣкоторые, доживающіе свой вѣкъ торговцы-казаки этой категоріи.

II.

Говоръ.

Жители низовьевъ Дона называютъ казаковъ верховыхъ станицъ „чигою“. Названіе это произошло отъ народа „чиговъ“, упоминаемаго римскими и греческими историками съ I по XIII в. и жившаго по восточнымъ берегамъ Азовскаго моря, отъ устьевъ Дона до Таманскаго полуострова. (См. „Кто былъ Ермакъ и его сподвижники“, стр. 12—19). Въ XIII и XIV вв. народъ этотъ въ числѣ другихъ казацкихъ общинъ, подъ напоромъ татаръ двинулся вверхъ по Дону и занялъ земли, входившія въ составъ Рязанской области, поселившись тамъ своими городками. Въ XVI в. казаки этой области, какъ я уже говорилъ въ I главѣ, двинулись вновь на югъ и заселили земли по рр. Хопру, Бузулуку и Медвѣдицѣ.

Жители сосѣднихъ губерній, какъ то: Курской, Орловской, Воронежской и Саратовской „чигою“ вообще называютъ всѣхъ казаковъ, но названіе это больше относится до верховыхъ, и, я думаю, называющіе не ошибаются въ ихъ древнемъ происхожденіи отъ народовъ чиговъ. Кличка эта чрезвычайно древняя и дошла до нашихъ дней по преданію.

Браннаго въ ней, какъ многіе думаютъ, ничего нѣтъ. Верховые казаки, въ отмѣстку, дразнятъ низовцевъ „тумою“. Слово „тума“ черкеское и означаетъ „приблудный“, происшедшій отъ смѣшенія крови съ другимъ народомъ, собственно—метисъ. Кличка эта дана низовымъ казакамъ не безъ основанія, такъ какъ у многихъ изъ нихъ течетъ немало крови черкесской. татарской, турецкой, греческой и даже калмыцкой.

Всѣ донскіе казаки въ настоящее время говорятъ языкомъ русскимъ, но со многими особенностями, рѣзко бросающимися и рѣжущими слухъ впервые пріѣхавшему на Донъ человѣку.

Трехвѣковая служба Москвѣ, постоянное сношеніе съ Великороссіей, полковыя ученья и, наконецъ, самое главное, повсемѣстно открытыя школы настолько сгладили особенности говора казачества, что теперь маломальски развитой грамотный казакъ говоритъ уже чисто русскимъ языкомъ, но въ захолустныхъ станицахъ и хуторахъ, въ особености со старообрядческимъ населеніемъ, жители до того коверкаютъ этотъ языкъ, большею частью старики, бабы и дѣти—до школьнаго возраста, что новому человѣку едва приходится ихъ понимать. Мнѣ, какъ бывшему долгое время народнымъ учителемъ, да и каждому изъ моихъ собратьевъ педагоговъ, это хорошо извѣстно.

Казаки верховыхъ округовъ говорятъ твердо, медленно и протяжно, но не плавно, какъ великороссы, съ бо́льшимъ *„аканьемъ“*, южнѣе—*„яканьемъ“*, какъ-то: *табѣ, сабѣ* или *табя, сабя* или *тябя, сябя, чаво, яво, маво, тваво, сваво, вядро, мяня, ня знаю, лятучкя, штоля* и проч. Вмѣсто *„и“* употребляютъ иногда *„ы“*, напримѣръ *вышня*, вмѣсто *вишня*. Вмѣсто *щ* и *сч* почти всегда употребляютъ двойной звукъ *ш*, напримѣръ: *братшша, дружишша, пешшинка* (песчинка), *шшука*, (щука), *ишшо* или *ишто* (еще). Въ дѣепричастіяхъ вмѣсто *в* почти всегда употребляютъ *м*, какъ-то: *наѣмшись напимшись, помолимшись* и т. д. Вмѣсто *в* часто произносятъ *л*, напримѣръ: *ослобонить, тыкла* (тыква); *б* вмѣсто *г*: *постебать* (постегать); южнѣе вмѣсто *ф* всегда *хв—хворма, хварсить, ахвицеръ, Хведоръ, Хвилиппъ, Хвома* и т. д.; предлогъ *съ* замѣняется частицею *сы, са, со*: *сы* друзьями, *сы* знакомыми или *са* друзьями.... Въ нѣкоторыхъ словахъ приставляютъ или вставляютъ звукъ *о* или *а*: *алимонъ, агромадный, пошено* или *пашено* (пшено), *пашаница* (пшеница), *коромъ* (кормъ). Въ станицахъ, лежащихъ южнѣе, часто вставляютъ въ средину словъ звуки *д, т, в* и даже цѣлые слоги: *ндравъ, куштай, досточка, жарковье* и *жарковля, штукатулка* и проч. Въ станицахъ, расположенныхъ по среднему теченію Дона, т. е. въ поселеніяхъ казаковъ—новгородцевъ, помимо приведенныхъ особенностей, но уже довольно смягченныхъ (*табѣ-тибѣ, сабѣ—сибѣ, минѣ* и проч.), слухъ порождаетъ совсѣмъ особенный говоръ, очень сходный съ говоромъ поморянъ нѣкоторыхъ мѣстъ Архангельской губерніи, населенныхъ, какъ извѣстно, древними новгородцами (повольники и ушкуйники), искавшими независимости и свободы и не

пожелавшими подчиниться московскимъ князьямъ. Туда же переселилась часть новгородцевъ изъ Вятки, послѣ разгрома послѣдней великимъ княземъ Иваномъ III въ 1489 г. (см. „На далекомъ сѣверѣ“ Немировича-Данченко). Говоръ этотъ выражается въ слѣдующемъ: *скольки*, *стольки*, *тольки*, *толички* или *толичка*, *родилси*, *крестилси*, *плакалси*, *ради* (рады), *одначе*, *игурецъ*, т. е. огурецъ, *антуда*, т. е. оттуда (Филипов. стан.), *текоть*, *пекоть*, *няльзи* (нельзя), *отжарить* (побить), *надавать треуховъ* (пощечинъ), *батинка*, *маминка* (2-й Дон. окр.), *манка* (мать), *ишь*, *исть* (ѣсть), *чиво*, *иво* и проч. Далѣе, въ 1-мъ Донскомъ окр. и по Донцу въ большомъ употребленіи слова: *ходя*, *ѣдя*, *скача*, *читая*, *пиша*, *говоря*, *купуя*, *торгуя*, *летая* вмѣсто: ходитъ, ѣдетъ, скачетъ, читаетъ, пишетъ, говоритъ, покупаетъ и проч. Кромѣ того: *што* (что) и *штолича*, *штосинка* (что-то), *хто* и *хтосика* (кто-то), *нихай* (пусть), *нема* (нѣтъ), *оттулича* (оттуда), *откулича* (откуда), или *откеливича*, *бѣги* (бѣжи), *побѣгъ* (побѣжалъ) и *побѣгъ* (по Донцу), *текѣть*, *пекѣть*, вмѣсто течетъ, печетъ. Отца и мать называютъ *батя*, *мама*, *батюшка*, *мамушка* и какъ ласкательныя: *батинькя*, *маминькя*, *дѣдинькя* (дѣдушка); также: *Винькя*, *Митькя*, *Грунькя*, *Петькя*, *Санькя* и проч. Въ хуторахъ Семикаракорской стан. встрѣчается такое выраженіе: *смушшилася мая сердца*, т. е. смутилось мое сердце. Вмѣсто предлога „*въ*“ всегда употребляется „*у*“—*у домѣ*, *у столѣ*, *у лавкѣ*, *у дрогахъ*, *у комнатѣ* и т. д., хотя часто въ окончаніяхъ этихъ словъ вмѣсто „*ѣ*“ слышится „*и*“, какъ, напримѣръ: *у доми* и проч. Въ станицахъ 1-го Донского окр. въ говорѣ часто встрѣчаются слова малороссійскія; этихъ словъ еще больше встрѣчается въ говорѣ низовыхъ казаковъ и въ станицахъ, расположенныхъ выше по Донцу, въ Гундоровской и въ особенности Луганской. Въ говорѣ низовыхъ казаковъ звуки *в* и *у* часто замѣняютъ другъ друга, особенно въ началѣ словъ, какъ, напримѣръ: *усе*—все, *узять*, *лоуко*—ловко, въ *мене*—у меня, въ *насъ*—у насъ. Вмѣсто *ы* всегда употребляется *и*, какъ то: *бики*, *корови*, *риба*, *вигодно*, *вiѣхалъ*, *виждалъ*, *вискочилъ*, *вилетѣлъ*, *вишалъ* (вышелъ), *викосилъ*, *вирѣзалъ*, *ми* (мы), *ви* и проч. Вмѣсто *ы* часто произносится *о*: *накролъ*, *закролъ*, *помолъ* (помылъ); звукъ *е* почти всегда замѣняется *и*, а окончаніе „*етъ*“, произносится какъ „*ить*“, напримѣръ: *бѣгаить* или *бѣгить*, *читаить*, *граить*, *гуляить*, *скачить* и т. д. Также говорятъ: *ходю*, *просю*, *крутю*, *чистю*, *оны* (они) *булъ* (былъ), *чугинъ* (чугунъ), *выпулилъ глаза*, вмѣсто выпялилъ глаза, *вечиръ* вмѣсто вечеръ, *сѣмички*, *гарбузъ*—арбузъ и проч.

Это все фонетическія особенности говора казаковъ, т. е. своеобразное произношеніе русскихъ словъ; но, кромѣ этого, на Дону употребляется очень много такихъ словъ, которыхъ въ русскомъ языкѣ и совсѣмъ нѣтъ. Эти слова татарскія или черкесскія, или же самобытныя древне казацкія. Объ этомъ будемъ говорить ниже.

Въ грамматическомъ отношеніи говоръ казаковъ также много раз-

нится отъ русскаго. У простыхъ казаковъ, особенно верховыхъ, всѣ существительныя дѣлятся только на два рода, мужской и женскій, средняго же рода нѣтъ. Ко всякому существительному средняго рода казаки прилагаютъ мѣстоименіе въ женскомъ родѣ, напримѣръ: кому *какая* дѣла, кому *какая* счастья.

Также говорятъ: *куриная* яйцо, *жаркая* сонца (солнце), *разбитая* окно, *теплая* пальто, *гнилая* яблоко или яблока, часто яблокъ. Другія произношенія: я вижу мышу, вмѣсто мышь, ситца, вмѣсто ситецъ, комарь, вмѣсто комаръ; Петро, дядько. Вмѣсто фамилій всегда спрашиваютъ: чей ты, чей онъ или какъ онъ прозывается. Подобные вопросы являются слѣдствіемъ того, что въ древности у казаковъ фамилій не было, а были лишь прозвища, т. е. отецъ носилъ одно прозвище или кличку, сынъ другое, внукъ третье и т. д. Какъ въ древнеславянскомъ языкѣ, такъ и въ малороссійскомъ названіе дѣтей производилось отъ имени родителей, напримѣръ: Иваня—сынъ Ивана, Трофимя, Абрамя и т. д.; дѣти животныхъ: овча, ягня, куря, гуся, голубя и проч., причемъ на концѣ этихъ словъ въ славянскомъ языкѣ ставился всегда малый юсъ, перешедшій въ малороссійскомъ народномъ говорѣ въ слогъ ен: Иваненко, Трофименко, Абраменко и т. д.

Присутствіе малороссійскаго, вѣрнѣе, запорожскаго элемента въ низовьяхъ Дона и по Донцу сказывается, кромѣ говора, еще въ фамиліяхъ казаковъ, чисто малороссійскихъ, какъ-то: Кацупеевъ или Кацупей, т. е. Кочубей (Акс. ст.), Гайдамаченковъ, Сидоренковъ (Елис.), Запорожцевъ (Н.-Кундр.), Абраменковъ (Екат.) Иванченковъ, Бондаренковъ, Харченковъ, Федоренковъ, Коробченковъ, Макаренковъ, Крамаренковъ, Васильченковъ, Кравченковъ, Филенковъ, Братченковъ, Перекопенковъ, Тимощенковъ, Савченковъ, Ханженковъ, Панченковъ, Лехницкій, Рыковскій, Луковскій, Крупницкій, Вансецкій, Балашевичъ, Вѣнцовичъ, Облакевичъ и друг.

Прозвища или уличныя клички и теперь довольно употребительны среди казаковъ. Если вы не знаете уличной клички казака, то вамъ трудно его отыскать въ хуторѣ или станицѣ. Вамъ нужно отыскать Ивана Петрова, и всякій встрѣчный отвѣтитъ—„не знаю“. Назовите его кличкой, и каждый укажетъ. Уличныя прозвища одного старика были (Констан. стан.): Юзикъ, Шшарбатикъ и Хавраль, но никто не зналъ его настоящей фамиліи, а она была Гордѣевъ, или, по выговору казаковъ—Гордевъ. Я знаю прозвища многихъ станичниковъ: Ганичъ (сынъ ли онъ или мужъ Гани, т. е. Агафьи), Каштавъ, Сипетокъ, Чудачокъ, Кочетокъ, Габуней, Стрепухъ, Зуйка, Рачекъ, Моргунъ, Косорукій, Чипланосъ, Бѣликъ, Сладунка, Сочила, Меретей, Лобанъ, Илюшонокъ, Бѣшеный, Рябышикъ, Ботожокъ, Нявичъ, Хрипунъ, Свистунъ, Лытка, Кондря, Агурей, Ироха и друг., фамиліи же, т. е. какъ они пишутся, по выраженію казаковъ, я не знаю, да и рѣдко кто знаетъ, развѣ только ихъ однополчане.

Библиотека имени Д. И. Дубенского

Въ первой половинѣ прошлаго столѣтія, какъ говоритъ объ этомъ В. Ф. Соловьевъ въ своей брошюрѣ о говорѣ казаковъ, подъ словомъ „фамилія“ казаки, даже офицеры, разумѣли „супружницу“, т. е. жену. По этому поводу онъ приводитъ со словъ стараго, уже умершаго, генерала В. А. Кутейникова слѣдующій курьезный случай. Во время посѣщенія Дона военнымъ министромъ гр. Чернышевымъ, къ нему назначенъ былъ на дежурство заслуженный боевой войсковой старшина, фамилію котораго генералъ забылъ. Министръ, увидѣвъ его, спросилъ, какъ его фамилія. Тотъ сконфузился и робко отвѣтилъ: „Марія Ивановна“. Тогда министръ, пристально взглянувъ на него, ушелъ, ничего ему не сказавъ, но тотчасъ же приказалъ прислать къ нему болѣе толковаго офицера.

Въ 1-мъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ 2-го Донскихъ округовъ часто съ прозвищемъ какого-либо казака произносятъ и его имя, но въ уменьшительной или ласкательной формѣ, которая въ понятіи казаковъ въ этомъ случаѣ является унижичительнымъ, такъ, напримѣръ: Сема Агуревичъ, Петруша Шабанъ, Кузя Кудлай, Филя или Филюшка Красный, Андрюша Лобачъ и другіе.

Въ общемъ говоръ донскихъ казаковъ можно раздѣлить на верховой и низовой, если изъ послѣдняго исключить говоръ, извѣстный у филологовъ подъ именемъ „черкасскаго“, о которомъ я буду говорить ниже.

Въ частности же каждая станица или извѣстный районъ имѣетъ свой особенный говоръ. Нерѣдко приходится наблюдать, какъ казаки, попавшіе въ одну сотню или полкъ изъ разныхъ станицъ, подтруниваютъ другъ надъ другомъ, коверкая слова на манеръ говора другой станицы, напримѣръ: „ей дружишша, куда побѣгъ? или: „ей станишники, идѣ идѣтя или идутя?“ „лянь, ляньте (гляньте) суды“.—“Нехай тибѣ (или табѣ) будя грецъ!“—часто слышется сердитый отвѣтъ какого-нибудь бабскаго или богоявленскаго казака на такое замѣчаніе богаевскаго или мелеховскаго. Въ особенности смѣются казаки сосѣднихъ станицъ надъ „луганцами“, говорящими, какъ я уже упоминалъ выше, съ малороссійскимъ, т. е. вѣрнѣе—древне запорожскимъ акцентомъ.

„Становись, хлопци, рядами, къ кумовой хатѣ передами.... Маршъ, дэ атâманъ сидыть!“—кричатъ иностаничники, завидя ѣдущихъ луганцевъ. Или расказываютъ про нихъ такой анекдотъ:

„Казаки, на конь! командуетъ офицеръ. Одна часть казаковъ толчется на мѣстѣ.

— Кто вы такіе?

— Да мы, дядечка, луганци.

— Что-же вы не садитесь?

— Да у насъ коней нема, однѣ кобылки.

Любимыя кушанья и названія предметовъ домашняго обихода низовыхъ казаковъ также, большею частью, малороссійскія, какъ то: саломата (вареное тѣсто, которое ѣдятъ съ прѣснымъ молокомъ, сметаной, каймакомъ и масломъ, а въ постное время съ нардекомъ и медомъ),

вареники, кулешъ, затерка, или затераха (кипяченое молоко, затертое мукой), голушки, борщъ, катламы (по малороссійски—катланы), пампушки, блины, квасокъ (вродѣ селянки) и др.... хата, курень, базъ, атара, чабанъ, ярмо, занозы, притыки, люшня, вое, войцо, плугъ, волы, чумакъ, возъ, кіекъ (часть воза, на что вѣшаютъ ведра) и др. Помимо этихъ особенностей говора низовыхъ казаковъ, среди нихъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ особенности въ станицахъ: Старочеркасской, Аксайской и отчасти Грушевской, Кривянской, Гниловской и другихъ, а также среди простонародья г. Новочеркасска, замѣчаются остатки какого-то особеннаго древняго говора, не похожаго ни на одинъ изъ перечисленныхъ нами выше,—это говоръ, извѣстный подъ названіемъ „черкасскаго".

Фонетическія особенности этого говора заключаются въ слѣдующемъ: шипящіе звуки *ж*, *ч*, *ш* и *щ* въ немъ замѣняются свистящими *з*, *ц*, *с* и *сц*: *Миса—Миша*, *Саса—Саша*, *Груса—Груша* (Аграфена), *Маса—Маша*, *Дуса*—Душа (Авдотья), *криса*—крыша, *узъ*—ужъ, невозможно *зить*—невозможно жить, *ми* поставили *угодницку свѣцецки* и помолились *Бозыцку*, *игрусецка*, *весцъ*—вещь, *зилъзо*—желѣзо и т. д. Но встрѣчаются случаи и очень часто обратнаго произношенія, какъ, напримѣръ: *шорокъ* (сорокъ), *шкажу*—скажу, *пятница*—пятница, *крыша*—крыса, отчего часто можно слышать такую фразу: „у насъ подъ крисай крыши завелись". Вмѣсто обрязчикъ говорятъ *обрящикъ*, рамчатый улей—*рямчатный* улей и т. д.

Говоръ этотъ съ другими особенностями, какъ-то: *ми*, *ви*, *оны*, *помолъ*—помылъ, *накролъ*—накрылъ, сохраняется въ настоящее время преимущественно среди женщинъ, не получившихъ современнаго школьнаго образованія, хотя среди нихъ встрѣчаются купчихи и чиновницы изъ черкасскихъ старыхъ поколѣній. Изъ мужчинъ же этотъ говоръ удерживаютъ очень немногіе, въ особенности изъ неслужившихъ и торговыхъ казаковъ, свободныхъ отъ строевой службы. В. Ф. Соловьевъ въ своей книгѣ о говорѣ Донскихъ казаковъ предполагаетъ, что „черкасскій" говоръ есть искусственный, явившійся изъ подражанія кому то вслѣдствіе жеманства, желанія отличаться и нравиться; что это явленіе подтверждается будто бы и тѣмъ обстоятельствомъ, что говоръ этотъ явился среди горожанъ. Соловьевъ также предполагаетъ, что на образованіе черкасскаго говора имѣло вліяніе и сношеніе казаковъ съ греками, которые, какъ извѣстно, многихъ нашихъ шипящихъ звуковъ совсѣмъ не выговариваютъ, замѣняя ихъ свистящими, а также не выговариваютъ и нашего твердаго *ы*, замѣняя его „*и*", и при разговорѣ какъ бы „*сюсюкаютъ*". Съ первымъ предположеніемъ г. Соловьева, какъ мы увидимъ ниже, согласиться нельзя, второй же его выводъ имѣетъ за собою большую вѣроятность. Соловьевъ полагаетъ, что сношеніе казаковъ съ греками относится къ позднѣйшимъ вѣкамъ, но на самомъ дѣлѣ это не такъ, вліяніе грековъ на приазовскіе народы началось съ VI в. до Р. Х.

Въ древности по берегамъ Азовскаго и Чернаго морей и по низовью Дона было множество торговыхъ греческихъ колоній, изъ которыхъ наиболѣе извѣстны: Пантикапея, близъ нынѣшней Керчи, основанная выходцами изъ Милета около 511 г. до Р. Х., Фанагарія, Киммеріонъ, Ахиллеонъ, Патрасусъ, Корокондамъ, Кепосъ, Апатюронъ, Тирамбе, Синдическій портъ и другія — на Таманскомъ полуостровѣ, Севастополь въ Абхазіи, Акра, Нимфеонъ, Мирмеціонъ, Парфеніонъ, Геракліонъ, Киммеріонъ — на крымскомъ берегу Керченскаго пролива, гдѣ и Пантикапея; Ольвія — при устьяхъ Буга; первая и вторая Танаиды и Алопекія, при устяхъ Дона, и Гелонъ на 15 дней пути вверхъ по Дону.

По сказанію Геродота, Страбона, Плинія и другихъ древне-греческихъ и римскихъ историковъ, греки колонизаторы вели не замкнутый образъ жизни, а входили въ очень близкія сношенія съ мѣстными жителями, смѣшивались съ ними и передавали имъ свои нравы и обычаи, вѣрованія, языкъ, знанія и искусства, вообще свою культуру. Это подтверждается и археологическими раскопками, произведенными въ разное время по Дону, берегамъ Азовскаго и Чернаго морей, по Кубани, а въ особенности на Таманскомъ полуостровѣ.

При раскопкахъ древнихъ могилъ въ особенности обиліемъ поражаютъ предметы культа Деметры, богини плодородія (Цереры, сестры Зевса, матери-земли) и бога Пана, покровителя лѣсовъ, стадъ и дичи.

Изъ народовъ этихъ побережій того времени болѣе многочисленные и сильные извѣстны Скиѳы, Савроматы и Геты, или Готы, ставшіе грозой для сосѣднихъ народовъ съ половины III в. по Р. Х. По Овидію — Скиѳы, Савроматы и Готы говорили однимъ языкомъ, но на разныхъ нарѣчіяхъ. „Научился говорить и по-гетски, и по-сарматски и могъ слушать разсказъ старика варвара, т. е. скиѳа“, пишетъ Овидій въ своихъ Понт. пос. (III, 2, 39—40). Готы приняли христіанство отъ грековъ въ IV в. Просвѣтитель Готіи св. апостолъ Ульфила перевелъ на готскій языкъ и книги священнаго писанія. Паннонская лѣтопись, признанная одною изъ достовѣрныхъ сказаній о жизни и дѣятельности св. апостоловъ Кирилла и Меѳодія, говоритъ, что при путешествіи въ Хозарію братья встрѣтили въ Готіи книги священнаго писанія на „*рушкомъ*“ языкѣ и что богослуженіе у этого народа совершалось на языкѣ „*рушкомъ*“ же. Это подтверждается и изслѣдованіемъ архимандрита Арсенія о готской епархіи, гдѣ онъ утверждаетъ, что Готы говорили на „рушкомъ“ языкѣ и имѣли на этомъ же языкѣ книги св. писанія.

Это характерное смѣшеніе шипящихъ звуковъ съ свистящими, т. е. „сюсюканье“, и теперь довольно рельефно сказывается въ говорѣ жителей на всемъ сѣверномъ и восточномъ побережьяхъ Чернаго и Азовскаго морей, т. е. отъ устьевъ Дуная до устьевъ Кубани, въ нѣкоторыхъ старыхъ станицахъ Терека, низовьевъ Урала и Дона, въ станицахъ Старочеркасской, Аксайской, Елисаветовской, а также въ пос. Азовѣ, гор.

Маріуполѣ, Бердянскѣ, Темрюкѣ, Ейскѣ и друг. Это есть остатки древне-готскаго говора, явившагося подъ вліяніемъ греческой культуры.

Донскіе казаки, какъ я уже говорилъ о томъ въ своей книгѣ „Кто былъ Ермакъ и его сподвижники“, суть исконные обитатели береговъ Дона, Азовскаго и Чернаго морей,потомки древнихъ казаховъ, аланъ-готовъ, извѣстныхъ у древне-греческихъ и римскихъ историковъ подъ многими другими названіями, поэтому они естественно могли сохранить этотъ особенный греко-готскій говоръ, а потомъ перенесли его на Терекъ, Уралъ, Кубань и другія мѣста, куда проникала казачья колонизація.

Въ настоящее время говоръ этотъ подъ вліяніемъ народныхъ школъ и полкового обученія казаковъ до того сгладился, что не далеко уже время, когда онъ совсѣмъ исчезнетъ.

— „У насъ въ Черкашкѣ и Акшаѣ риба нонича шавшѣмъ не ловица“,—говорятъ между собой старочеркасскія торговки.

— „Нонича рушаки и кошари всѣ хлѣби пожабрали“,—тараторятъ аксайскія бабы.

— Ваши (донскіе) кажаки крашившѣй, а наши хваршистѣй, говоритъ уралецъ изъ низовыхъ станицъ.

Относительно же словъ, которыя встрѣчаются въ говорѣ казаковъ и которыхъ совсѣмъ нѣтъ въ языкѣ русскомъ, я приведу слѣдующія. Имена существительныя: бусорь (дурь, глупость), отсюда бусореватый, съ бусорью, т. е. глуповатый; буеракъ (оврагъ), хантурникъ, отсюда шляться по хантурамъ (бездѣльничать); гакъ (лишекъ), галь (стая грачей и галокъ), гладышъ (яйцо), грубка (печь), гульга (шишка на головѣ), дежа и дежникъ (кадка для тѣста и покрывало для нея), дротъ (проволока), дрюкъ (толстая палка), дулма (кушанье), жармелка (молодая женщина, проводившая на службу мужа), зарочье (рѣдкость), зебры, отсюда сивозебрикъ (жабры—у рыбы, а у людей щеки), варка (голова), кабакъ, а въ стан. Константиновской и Золотовской—дуракъ (тыква), кандель (лампадка), зинчикъ или коникъ (стрекоза), стрекоза, отсюда стрекозиться, по-малороссійски—зыкъ (бѣгать съ поднятымъ хвостомъ отъ укуса слѣпней или овода, относится до рогатаго скота), корецъ (ковшъ), кубилекъ (женская одежда), бизилики, правильнѣе—базилеки (запястье, браслетъ) кулючки (потемки), куруша (индюкъ), кутенокъ, кутикъ (щенокъ), лагутка (притворный), махоръ (кисть для украшеній), махотка (узкій горшокъ), макитра (круглый горшокъ), бардакъ (большой горшокъ съ широкимъ отверстіемъ), мосты (полы), отсюда мосты банить, т. е. мыть, ожерелокъ или жерелокъ (воротникъ), патлы (нечесанные волосы), руда (кровь), саганъ (супникъ), чинакъ (низкая широкая глиняная посуда, вродѣ полоскательной чашки), сапа (змѣя), сапетка (вродѣ корзины), джулунъ (родъ шалаша), уре (каша съ сюзьмой), сюзьма (густое кислое молоко), ерандакъ (широкая воловья телѣга въ 1 Донск. окр.), тарабарки и ринджиглы (дополнительные дрючки для воловьяго

воза), парусъ (брезентъ), онъ же лантухъ, воловишша, веретье и рядно, благиматъ, отсюда благиматомъ (кричать не своимъ голосомъ).

Нарѣчія: надась или надысь—третьяго дня; ужо и ужотка—немного спустя; давича и давя—передъ этимъ и др.

Имена прилагательныя: мадѣлый (исхудалый, истощенный), болючій, кровучій, жалкій, болѣзный (вызывающій соболѣзнованіе, жалость), кундюбый (закорюченный, кривой), ломовитый, ломучій, отсюда ломаться, кривляться, казаться не тѣмъ, что есть; заевой, зайвый (запасный). Глаголы: жалковать (горевать), зашумѣть и шумнуть (кликнуть, позвать), засмаливать (танцевать, быстро что-нибудь дѣлать), валандаться (безъ толку дѣлать, ходить, бродить), гондобить (сберегать), скондобить (говорить о бѣдности), снугрять (изнурять), лиментоваться (пировать, пьянствовать), дать по мусаламъ—въ зубы, балванѣть—не ясно виднѣться, и проч.

Вообще мною замѣчено, что казаки, исключая немногихъ говоруновъ, извѣстныхъ среди простонародья подъ названіемъ „брехуцовъ“, „сочилъ“, „сладунокъ“ и друг.,—народъ несловоохотливый, рѣчь ихъ не отличается плавкостью и логичностью, какъ у великороссовъ и малороссовъ. Иногда при разговорѣ съ казакомъ просто не понимаешь, о чемъ онъ говоритъ или что хочетъ сказать, какъ будто онъ русскому языку выучился только недавно и по какому то особенному методу. Языкъ его во рту будто не помѣщается, не поворачивается; невольно приходится думать, что великоросскій говоръ не есть природный для казака, что предки его говорили на какомъ-то другомъ нарѣчіи. Будучи самъ природнымъ казакомъ и вышедшій изъ простой казачьей семьи, а также долго живя въ станицахъ и хуторахъ, я имѣлъ полную возможность непосредственно наблюдать за жизнью казаковъ, за ихъ нравами и обычаями, привычками и говоромъ, въ особенности говоромъ вновь вступившихъ въ школу дѣтей. Также часто случалось, что какой-нибудь урядникъ или вахмистръ, встрѣтившись на улицѣ, заведетъ рѣчь о томъ, о семъ и, желая похвастаться знаніемъ русскаго языка, намелитъ такой околесины, что даже станешь втупикъ и не можешь разобраться, обидѣлъ ли онъ тебя или наговорилъ любезностей, до того рѣчь его полна какихъ то двухсмысленностей, намековъ на что то, но на что—трудно разобраться.

Тутъ и „сумлѣнія“, „млѣнія“, „финазомія“, „ученость заступленія военной службы“, себя называетъ мы, тебя—ты, „произошелъ науку всѣхъ посредствій“, какія то „академитскія давности“ и проч. Если же такой говорунъ еще подопьетъ, то тогда прямо уходи отъ него, ибо ни у кого мало-мальски нервныхъ людей не хватитъ терпѣнія выслушивать эту безсвязную болтовню. Если ты не офицеръ и не чиновникъ, къ которымъ вообще казаки, въ силу вѣками привившейся дисциплины, относятся съ нѣкоторымъ почетомъ, то можешь получить массу оскорбленій и дерзостей, а если иногородній, къ которымъ всѣ казаки относятся свысока, то можешь рисковать и большимъ. Самый лучшій способъ

отдѣлаться отъ подобнаго рода собесѣдниковъ—это, какъ говорится, ему поддакивать, подхваливать, вообще, ни въ чемъ не противорѣчить.

Лѣтъ двадцать, тридцать тому назадъ наши донскіе калмыки въ массѣ своей плохо еще понимали русскій языкъ, въ настоящее же время вышедшіе изъ приходской школы или прибывшіе изъ полковъ положительно поражаютъ логичностью своей рѣчи, правильностью ея построенія и удачностью оборотовъ, хотя и не бойкостью: по всему видно, что человѣкъ старается высказать свою мысль какъ можно яснѣе, избѣгать лишнихъ словъ и непонятныхъ выраженій. Не то замѣчается у природныхъ казаковъ: они, я говорю о простонародьѣ, не стараются слѣдить за построеніемъ своей рѣчи, а валятъ, какъ говорится, въ кучу все, что взбредетъ на умъ, и искажаютъ русскій языкъ до неузнаваемости. Это объясняется, главнымъ образомъ, отсталостью казаковъ въ народномъ образованіи, а также и какими то особенными свойствами древняго ихъ говора, туго поддающагося усиліямъ просвѣщенія. Немалую роль въ этомъ играетъ и гордый духъ казачества, смотрящаго на другія народности, въ томъ числѣ и на великороссовъ, свысока, а потому и не желающаго у нихъ перенимать ихъ нравы, обычаи, а также и ихъ языкъ.

Приведу нѣсколько примѣровъ выраженій грамотѣевъ казаковъ, взятыхъ изъ ихъ прошеній по начальству, съ исправленіемъ нѣкоторыхъ орфографическихъ недостатковъ.

Казакъ проситъ о предоставленіи ему и другимъ льготъ по охотѣ.

„Обращаю просьбу вышняго начальства на конкуренцію стѣсненія насъ въ охотничьемъ стремленіи всякой степной и мелкой дичью по примѣру предковъ нашихъ закономъ утвержденнаго права, дабы не пришло въ низкое положеніе честь русскаго оружія дѣлъ воинскаго достоинства“.

Урядникъ, учитель гимнастики, проситъ инспектора народныхъ училищъ о представленіи его къ наградѣ за трехлѣтнюю усердную службу.

„За отличную обстоятельность вашего превосходительства по означенію всякихъ упражненій и не имѣя достаточной видимости по оставленію на вторичный строкъ, а къ примѣненію инструкціи съ достиженіемъ означенія по ходатайству подлежащаго представительства, то я осмѣливаюсь покорниче прибѣгать къ награжденію усерднѣйшаго моего вашего превосходительства обстоятельства“.

Е. Савельевъ.

Имѣются въ продажѣ другія книги Е. П. САВЕЛЬЕВА:

1) Очерки по исторіи торговли на Дону . . . . . 1 руб.

2) Кто былъ Ермакъ и его сподвижники . . . . . 20 коп.

3) Атаманъ М. И. Платовъ и основаніе г. Новочеркасска . . 25 коп.

2020186737